

НОЧЬ НЕЗАВИСИМОСТИ и др.

Повесть и рассказы

НОЧЬ НЕЗАВИСИМОСТИ

I

«Обо мне, похоже, забыли», — подумал Павел, когда толпа на перроне окончательно рассеялась. Платформа вокзала оглашалась звуками быстрой журчащей мелодии, в которой Павел узнал бетховенское рондо «Ярость по поводу утеряннного гроша».

Стук колес поезда, который стоял на этой станции только две минуты, умолк вдали. Приехавшего в командировку на машиностроительный завод журналиста Павла Серафимова должен был встретить помощник генерального директора, но на перроне не было ни души...

Нельзя сказать, что отсутствие встречающих сильно встревожило Павла. Адреса машиностроительного завода он не знал, как не знал, в какой гостинице забронирован для него номер, но был уверен, что все проблемы решатся сами собой, ведь городок был маленький, а завод, о котором ему предстояло писать статью, являлся градообразующим предприятием, где работал каждый третий житель города. Следовательно, выяснить адрес завода не составляло труда... «Ну и где ковровая дорожка до зала VIP, где все здешние «другие официальные лица», милицееское оцепление и дивчина с хлебом-солью?.. Где, я вас спрашиваю, где? Встречает меня только шутовское рондо Бетховена...» — подумал Павел, вскинув на плечо сумку.

Но стоило ему дойти до здания вокзала, как прямо на перрон, рыча мотором, выехала белая «Волга» с оленем на капоте, которая, несмотря на свой почтенный возраст, выглядела как игрушка. «Волга» притормозила рядом, и выглянувший из нее седой человек в черных очках спросил:

— Вы Павел Владимирович? Садитесь...

Павел сел на заднее сиденье.

— Прошу прощения, задержался... Я помощник генерального директора, Басов Николай Николаевич. Мне поручено встретить вас и разместить в гостинице.

Басов развернул «Волгу», они обогнули здание вокзала и выехали на широкую улицу.

— Вы у нас впервые?

— Да, честно говоря, даже название вашего города первый раз услышал на прошлой неделе.

— Генеральный ждет вас после обеда. Сейчас вы поселитесь, немного отдохнете, а я за вами заеду.

Улица упиралась в подножие памятника Ленину, грациозно указывающего рукой в неопределенном направлении. Полы серого пальто вождя (более похожего на мятый халат) словно бы трепал ветер. Тонкие и длинные ноги изваяния наводили на мысль о балетных танцах. Словом, вождь пролетариата был великолепен... Доходя до гранитного куба, наверху которого замер в диковинном танце каменный гость из прошлого, улица раздваивалась на два ручейка. Раритетная «Волга» с оленем на капоте свернула налево, оказавшись на мгновение в тени, которую отбрасывал стоящий спиной к солнцу монумент.

Павел с интересом смотрел вокруг. Город словно бы застрял в безвременье — на полпути от социализма к капитализму. Мелькали время от времени яркие вывески «shop», «казино», «шаверма», «боулинг», но рядом с ними на тротуарах стояло множество торговцев, продававших старую одежду и обувь, водопроводные краны, допотопную домашнюю утварь, пожелтевшие журналы — центральные улицы напоминали базарные ряды или даже уличный театр, где разыгрывалась действо с переодеванием в одежды то ли времен «военного коммунизма», то ли поздней «перестройки». Недалеко от памятника пролетарскому вождю двое мужчин кавказской наружности торговали шашлыками, которые жарились тут же на дымящемся мангале. Посмотрев на окна домов (в основном, пятиэтажных хрущевок), можно было понять, что многие квартиры необитаемы — выбитые или заделанные фанерой рамы. Во дворах пятиэтажек находились ветхие избушки с заборчиками и огородами, придававшие городскому пейзажу нечто сюрреалистическое. Город действительно жил странной жизнью, сотворив себе гибридную историческую реальность.

— Городок у нас маленький, захолустный, особых достопримечательностей нет, за исключением уцелевшего в революцию храма да исторического музея, рассказывающего о первых пятилетках, фашистской

оккупации и партизанах... — говорил Басов. — В последнее время много народу уехало, кто куда мог. Были у нас консервный завод, фабрика металлочерепицы, несколько совместных предприятий, но все разорились. Людям работать негде стало, вот и началось великое переселение. Бросают квартиры и уезжают. Процветает только наш завод, и только благодаря Борису Афанасьевичу Колокольцеву. Он у нас всего два года, но сразу привлёк инвестиции, заключил договора, дал всем нам надежду. Раньше зарплату по полгода дожидались, а сейчас все в срок, плюс премии.

— Откуда этот Колокольцев появился? — спросил Павел.

— Вообще-то он местный, родился здесь, после школы уехал в Москву учиться, удалось поступить в Институт международных отношений. Долго работал в Америке, в Германии, даже в Австралии. Потом, видно, потянуло в родные края, приехал к нам, выкупил контрольный пакет машиностроительного завода, пригласил иностранных консультантов, и — дело пошло. Конечно, сильно он тогда рисковал своими деньгами, ведь никто не верил, что завод можно возродить, одних долгов висело столько, что ни о каком развитии говорить не приходилось.

— Экономическое чудо, — не без иронии заметил Павел.

— Это верно! — серьезно сказал Николай Николаевич. — Колокольцев днем и ночью пашет, совещание собирает то в девять утра, то в одиннадцать вечера! Никому покоя от него нет... Не расслабишься. Вообще-то он жесткий руководитель, но на него никто не обижается.

Они подъехали к высокому, сверкающему голубоватым стеклом зданию гостиницы, которое казалось слишком современным и роскошным для этого захолустья. На фасаде сияли огромные буквы «hotel», а если по-русски прочесть, то получится слово «хотел». Нет, Павел совсем не хотел приезжать в этот городишко! Гостиница возвышалась над всеми окрестными зданиями. «Город контрастов...» — припомнил Павел фразу из советской кинокомедии. Николай Николаевич первым вышел из машины и, помогая Павлу, взял его тяжелую сумку.

В пустом прохладном холле они подошли к стойке администратора.

— Будьте добры, номер для Павла Владимировича Серафимова. Забронирован машиностроительным заводом... — сказал Басов.

Николай Николаевич подождал, пока Павел заполнит анкету, и они вдвоем поднялись на третий этаж.

— Вот ваш люкс... Отдыхайте с дороги, а через три часа я буду у вас.

Из окна номера Павел оглядел окрестность. Недалеко от гостиницы пролежала оживленная магистраль, по которой в основном ехали грузовики с прицепами. Гостиницу окружало несколько хрущевских пятиэтажек, крыши которых ошестинились множеством телевизионных антенн. Как и всюду в этом городе, рядом с пятиэтажками виднелись сельские домики, крытые то шифером, то рубероидом, то ржавым железом. Было понятно, что это гибнущий город. О неблагополучии говорили и заколоченные окна, и кучи невывезенного мусора, и оставшиеся от советских времен телефонные будки без стекол и телефонов. Казалось, все это в скором времени канет в небытие вслед за консервным заводом и фабрикой металлочерепицы. С высоты третьего этажа Павел увидел пробежавшую по дороге огромную крысу. Пейзаж навевал скуку, и Павел, терзаемый интеллигентской дилеммой «что делать?», отошел от окна, упал на широченную кровать, не снимая ботинок. Он устался в украшенный геометрической лепкой потолок и несколько минут лежал без движений. «Скорей бы уехать домой...» — подумалось ему.

Вспомнив, что возле стойки администратора он заметил стеклянную дверь кафе с табличкой «открыто», Павел встал и надел пиджак...

В кафе было немногочленно. Он сел в углу, чтобы видеть всех входящих и выходящих. Павел тоскливо изучил меню, заказал подошедшей с блокнотом официантке горячий бутерброд и чашку черного кофе.

Минут через пять он увидел, как из лифта на первом этаже вышла невысокая черноволосая женщина, которая направилась к стеклянным дверям кафешки. Она вошла, ни на кого не глядя, заняла столик неподалеку от Павла. Официантка тут же поспешила к ней. Женщина была миниатюрная, но ладно сложенная. Фигурку ее плотно облегал черный свитер и голубые джинсы, которые очень уж впечатляюще обтягивали ноги и зад. Коротко стриженные по-мальчишески волосы топорщились на затылке. «Хороша! Симпатичная...» — подумал он.

Официантка принесла незнакомке чашку кофе и пакетик сахара. Женщина взяла ложечку и стала неторопливо помешивать кофе, забыв насыпать сахар...

Павел обратил внимание, что женщина не пользовалась косметикой, у нее было непогрешимо чистое, естественное лицо, хотя и немного бледное. Акварельное личико, без особых, бросающихся в глаза черт. Непривычно видеть женщину без яркого грима, без подрисованных бровей, без слоя пудры, скрывающего шероховатости кожи. Женщина была мила собой уже потому, что лицо ее не было разрисовано, поэтому и притягивала к себе взгляд Павла. Спустя каких-то пять минут после того, как женщина появилась в кафе, Павел уже не сомневался, что они познакомятся. Может быть, не прямо сейчас, но познакомятся непременно. Женщина показалась ему скромной, слабохарактерной и неуверенной в себе. И было совершенно очевидно, что женщина чем-то подавлена. Замужем ли она? Обручального кольца, как, впрочем, и вообще колец и украшений, не было. И серьги тоже отсутствовали, лишь золотился крестик на груди. Павел почувствовал, что волнуется. Эта женщина

была нужна ему. Иначе что делать в этом забытом Богом городе, в этой полупустой гостинице?.. Эта незнакомка была превосходным объектом, чтобы начать полушутливый флирт.

Поднявшись, Павел неторопливо шагнул к ее столику.

— Простите за беспокойство... Я только сегодня приехал сюда. Не могли бы вы мне подсказать, как доехать до машиностроительного завода?..

— Машиностроительного завода?.. — женщина изумленно подняла брови и почему-то огляделась по сторонам. — Я не знаю. Я тоже приезжая... Спросите у кого-нибудь другого.

Павел заметил, что она уперлась ладонями в стол, будто собиралась тотчас вскочить из-за столика и уйти.

— Вы чего-то боитесь? — спросил он.

— С чего вы взяли? — женщина приподняла брови, но по тому, как дрогнул краешек ее рта, Павел понял, что его вопрос попал в точку.

— Вы нервничаете, озираетесь по сторонам...

— Показалось! — ответила она блеклым голосом. — Это вам показалось... — Вообще, вы задаете странные и ненужные вопросы.

— Извините.

— Бывает. Любопытство — не самый большой порок. Хотя и неприятный для окружающих.

— Я спросил это, думая, что могу чем-нибудь помочь...

Она усмехнулась.

— Предлагать помощь незнакомым людям — верх легкомыслия. Кроме того, наглость.

— Я действительно легкомысленный человек... И наглый немного. Ну, это профессиональное. Я журналист.

— О, какой кошмар!

— Не любите журналистов?

— Конечно, нет.

— Позвольте узнать, почему?

Она усмехнулась.

— Ну, вот и завязался разговор... Вы этого и хотели. Это у вас вправду профессиональное — умение разговорить даже молчаливого собеседника.

— Так за что же вы журналистов не любите?

— А вот за это и не люблю... — она продолжила машинально помешивать ложечкой в чашке.

— Сахар насыпьте, — улыбнулся он.

— Что-что?..

— Вы сначала сахар насыпьте, а потом размешивайте.

— Ах, конечно... — спохватилась она, вымученно улыбнулась и разорвала бумажный пакетик.

— Вы замужем? — спросил он.

— Вот это да! — женщина посмотрела на него ошарашено. — Вы редкий нахал, молодой человек. У меня пропало желание с вами разговаривать.

Она опустила глаза и положила обе ладони на стол возле чашки кофе. Павел заметил, как подрагивают ее пальчики. Маленькие розовые ноготки были ровно острижены и, конечно же, не было на них никакого лака. Руки ребенка. К таким рукам нужно бережно прикасаться губами, ощущая тающий сахарный их вкус.

— Вы меня уже дважды назвали нахалом.

— Да. И что? — она не поднимала глаз.

— Значит, и третий раз назовете. Бог троицу любит. Извините, просто мне хотелось вам понравиться.

— К сожалению, у вас не получилось.

Она резко поднялась, оставив недопитую чашку кофе, и пошла к выходу.

«Правильно, что ушла...» — удовлетворенно подумал он. Она действительно чего-то сильно боится. В этой гостинице живет, похоже, в одиночестве. За свой столик Павел вернулся уже совершенно в другом настроении, от бывшего уныния не осталось следа, а командировочная перспектива уже не казалась безрадостной.

Почти все командировки Павла были связаны с каким-нибудь, пусть и мимолетным, романтическим приключением, и в каждую новую поездку он отправлялся, как рыба на нерест. В свои двадцать восемь Павел не был женат. И большого чувства в жизни не было. Жениться просто ради семьи совсем не хотелось. Он считал, что ему не везет с подругами. Разрыв с каждой из них не становился для него серьезным событием, просто каждый раз он убеждался, что они не созданы друг для друга. Никто в этом не виноват, просто не сложилось, бывает... Самый продолжительный роман был у него с женщиной старше почти на десять лет, которая, к тому же, являлась его начальником. Случилось это, когда Павел после окончания факультета журналистики устроился на работу в редакцию еженедельника, посвященного проблемам преступности и защиты прав граждан. На должности шеф-редактора там сидела Евгения Шевцова — дама не без странностей, про которую справедливо говорили, что она журналист от Бога. Женька умудрилась объехать почти все «горячие» точки планеты, включая не только Чечню и Приднестровье, но и Югославию, Ирак... В 93-м Женька делала репортажи о защитниках расстрелянного Белого